

Однако партия «Чистого потока» оказалась не той сбродной толпой, которой он её считал. Даже без Пэй Чоу они по-прежнему прекрасно справлялись со своими делами.

Ши Гунпин, напрягая все силы, смог лишь сместить с должностей двух мелких чиновников.

Чжан Хэншуй рассказывал об этом с полурадостью-полуогорчением, вздыхая, что неизвестно, как долго ещё продержится такая ситуация.

Пэй Чоу внезапно вспомнил кое о чём и спросил:

— Учитель, вы слышали, не случилось ли в последнее время в Чертоге Нефритового Императора каких-нибудь происшествий?

Чжан Хэншуй удивился:

— Разве Чертог Нефритового Императора не был достроен несколько дней назад? Что случилось?

— Говорят, прораб упал с крыши чертога и разбился насмерть.

— Это слишком неосторожно. Не волнуйся, император чрезвычайно серьёзно относится к этому чертогу, чиновники ниже не посмеют халатно относиться к делу. Должно быть, это был несчастный случай.

Сердце Пэй Чоу сжалось.

Чжан Хэншуй, кажется, что-то вспомнил и велел Цао Цзычжаню сходить в архив за документами.

— Сяошань, есть дело, которое нужно тебе поручить.

Даосы, прибывшие из разных мест, временно проживали в храме Хуанцзи за пределами Ханьцзина. Теперь, когда они собираются уезжать, нужно сверить списки и организовать проводы согласно церемониалу.

Император Цзинфэн оказался щедр, поручив Министерству церемоний разработать порядок действий. Пэй Чоу взглянул на длинный список подарков и с чувством цокал языком.

Услышав, что прибыл сановник из Министерства церемоний, молодой даос из храма Хуанцзи поспешил пригласить его внутрь.

Храм Хуанцзи, и правда, достоин звания первого храма Поднебесной: просторная территория, внушительная обстановка. По обе стороны главного зала развевались ярко-жёлтые знамёна, в курильницах горели красные свечи, не угасая, а в воздухе витал аромат благовоний Цзянчжэнь.

Побеседовав с настоятелем, Пэй Чоу отклонил приглашение настоятеля храма Хуанцзи прогуляться вместе и, поскольку время было ещё раннее, стал осматривать храм самостоятельно.

Дойдя до одного из боковых залов, он увидел перед ним посаженную сосну. Её ветви раскинулись пышно и уже поднялись выше крыши зала.

Пэй Чоу невольно задержал на ней взгляд.

С самого утра в Ханьцзине шёл мелкий снег, и теперь на сосновых иголках скопились белые снежинки, слой за слоем, очень красиво.

— Ик.

Этот неуместный звук пьяной отрыжки грубо нарушил прекрасное настроение.

Пэй Чоу поднял голову посмотреть.

Кажется, звук донёлся с дерева?

Пэй Чоу обошёл сосну кругом и за одной чрезвычайно толстой веткой заметил край синей одежды.

Человек лежал на дереве, поднял в руке винный кувшин, сделал большой глоток и громко провозгласил:

— В Ханьцзине падает густой снег — самое время пить вино!

Пэй Чоу тихонько рассмеялся.

Тот, кажется, обладал острым слухом, потому что этот звук привлёк его внимание, и он повернулся.

Места на ветке под ним было мало, и от этого поворота он прямо полетел вниз, устроив близкое знакомство с зелёным каменным покрытием.

Кажется, он не смог сразу подняться, сохраняя позу лицом вниз, и глухо произнёс:

— Ой-ой! Не уследил, не уследил! Потрудитесь протянуть руку помощи!

Пэй Чоу опомнился и поспешил помочь подняться.

Даос наконец сел, с красным носом, и, глядя на Пэй Чоу, радостно воскликнул:

— Первый министр Пэй!

Пэй Чоу просто не нашёлся, что ответить.

— Даос, вы ошиблись.

— Да я бы вас в пепел превратили узнал! Давно не виделись, первый министр Пэй!

Пэй Чоу автоматически проигнорировал первую часть фразы, мысленно заметив, что они ведь виделись всего несколько дней назад.

— Если с даосом всё в порядке, у меня ещё есть служебные дела, я пожалуй...

Буэр моргнул, затем внезапно, сжав голос, запел, подражая продажным актрисам:

— Сие тело — не твоё тело, сия душа — не его душа.

Движение Пэй Чоу, собиравшегося встать, застыло на месте.

— Ты...

Буэр, кряхтя, поднялся, отряхнул снег с одежды и с весьма серьёзным видом сложил руки в даосском приветствии.

— Друг мой, давно не виделись.

Пэй Чоу ошеломлённо смотрел на него, и мысли мгновенно умчались на много лет назад, в храм Саньцин, где Буэр точно так же сложил руки в приветствии и сказал ему:

— Друг мой, давно не виделись.

Некоторые вещи в конце концов забыть невозможно.

Ветер со снегом усиливался. Буэр потер руки и вновь вернулся к своему развязному виду:

— Может, переговорим в более подходящем месте?

Боковой зал, гостевая комната.

Пэй Чоу, прислушиваясь к звуку закипающей воды, пребывал в лёгком оцепенении, когда Буэр, весь в снегу, распахнул дверь и вошёл, держа что-то под одеждой.

Он расстегнул ворот, и несколько дымящихся горячих бататов выкатились на низкий столик.

Пэй Чоу рассмеялся:

— На кухне храма Хуанцзи тоже жарят бататы?

Буэр громко рассмеялся:

— Да они не ценят это сокровище! Услышав, что я хочу это запечь, выгнали меня вон! Я, пока они не видели, сунул их в потухшую печь, а ты как раз вовремя подоспел!

Пэй Чоу тихо усмехнулся, закатал рукава и принялся чистить батат.

Буэр за несколько укусов управился с одним, испачкав всё лицо золой из печи, и принялся за следующий.

— Друг мой, то, чего ты ищешь сейчас, изменилось?

Пальцы Пэй Чоу слегка дрогнули. Он посмотрел на Буэра и не сказал ни слова.

Буэр продолжил:

— Изменилось — и хорошо. Слишком сильная привязанность приносит страдания лишь тебе самому.

Он откусил и, обожжённый, скривился, оскалился в ухмылке Пэй Чоу:

— Раз уж собрался уходить, не хочешь ли отправиться на гору Саньцин и составить компанию бедному даосу? Бамбуковые побеги на задней горе уже налились, как раз годится для тушения с дикими фазанами с той же горы!

Пэй Чоу отломил небольшой кусочек, медленно прожёвал и с улыбкой ответил:

— Когда придёт время, я обязательно навещу ваш храм.

Буэр вздохнул:

— Вы все слишком своевольны! Неужели нельзя хоть раз дать бедному даосу себя обмануть? Неужели нельзя пощадить старика?

Пэй Чоу смотрел на это юношеское лицо перед собой и испытывал недоумение.

Пять лет назад этот Буэр выглядел точно так же. Прошло пять лет, а его облик ничуть не изменился. Никто не знал, сколько ему на самом деле лет. Может, он старый оборотень, владеющий искусством сохранения молодости?

Старый оборотень быстро расправился с бататом в руках и уставился на тот, что был в руках у Пэй Чоу, не говоря ни слова.

Пэй Чоу молча протянул его.

Буэр расплылся в улыбке.

— Даос, когда вы планируете покинуть Ханьцзин? Я бы хотел вас проводить.

— М-м... — Буэр, жуя батат, невнятно пробормотал:

— Скоро...

Пэй Чоу хотел спросить ещё, но Буэр вдруг спрыгнул с лежанки и в ужасе воскликнул:

— Беда!

Пэй Чоу не понял.

— Дедушка-наставник велел мне забрать кое-что из храма Хуанцзи, а я, увлечшись жаркой бататов, совсем забыл!

Пэй Чоу всё ещё размышлял, кто же этот дедушка-наставник из храма Саньцин, как обернулся и увидел распахнутую дверь. Буэр уже исчез.

Прождав полчаса и не дождавшись возвращения Буэра, Пэй Чоу позвал молодого даоса и спросил, но тот ответил, что в храме никогда не останавливался никакой даос Буэр из храма Саньцин, не ошибся ли он или не перепутал ли человека.

Пэй Чоу в ошеломлении вернулся в боковую комнату. Низкий столик уже был убран.

Он провёл рукой по его поверхности — даже тепло полностью бесшумно рассеялось.

Так вот что Буэр имел в виду под «скоро»?

Пэй Чоу ощутил лёгкое головокружение. Неужели всё это было сном?

Его мысли были в смятении, он собрался возвращаться домой, как боковым зрением заметил мелькнувший серебряный блик.

Пэй Чоу наклонился.

На том месте, где сидел Буэр, лежал парчовый мешочек?

Он поднял мешочек. Ткань небесно-голубого цвета, на ней серебряной нитью было вышито что-то, сморщенное, неразборчивое.

Пэй Чоу расправил ткань и с трудом узнал иероглиф «сердце».

Что это значит? Напоминание не забывать о своей истинной природе? Следовать зову сердца?

Пэй Чоу сжал мешочек — внутри, кажется, что-то было. Он уже собрался развязать шнурок и заглянуть внутрь.

Но вдруг остановил руку.

Нет, не открывать. По крайней мере, не сейчас.

Пэй Чоу снова отправился в тринадцатый рынок Западного квартала, чтобы забрать меч, который заказал в кузнице.

Длина клинка составляла примерно один чи шесть цуней, сам клинок был тонким и узким. Пэй Чоу взвесил его в руке — довольно лёгкий.

Однако это был жёсткий меч.

Чжан Да заметил разочарование в глазах Пэй Чоу и сказал:

— Такой меч, как вы говорите, я только слышал о нём. Господин, наверное, тоже знает, что в этих императорских чертогах изготовить подобный меч, кроме тех, что внутри... другим, боюсь, не под силу.

Он, конечно, имел в виду мастеров-оружейников, состоящих на императорской службе.

Но Пэй Чоу знал, что даже они не смогут выковать ещё один Линцзюнь.

Он убрал меч, достал два серебряных слитка и сказал:

— Благодарю хозяина Чжана.

Чжан Да с улыбкой принял:

— Приходите ещё!

Цао Цзыхуа в последнее время опять изобрёл несколько новых блюд и за обеденным столом изо всех сил пихал их в миску Пэй Чою, и никак нельзя было его остановить.

Пэй Чоу не знал, плакать ему или смеяться.

Цао Цзыхуа, глядя на тщедушное телосложение своего юного начальника Пэя, вздохнул, взял общие палочки и положил в миску Пэй Чою ещё один кусок жирной свиной грудинки.

— Господин, кушайте больше. Там, куда вы едете, такой еды не будет.

И принял вид готового разрыдаться.

Пэй Чоу озадачился: разве он слышал, что в Цзяньмэнь неурожай?

Буэр: Гора Саньцин — это же земля, текущая молоком и мёдом!

<http://bllate.org/book/15464/1371636>